

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК.1.001:001,8

М.П. Завьялова**КОГНИТИВНЫЙ «ПОВОРОТ» В НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ**

Раскрываются факторы, вызвавшие в середине XX века когнитивный поворот в науке и в философии, сущность которого состоит в смещении акцента внимания к познанию познания и знания как в сфере конкретных наук, следствием чего стала их когнитивизация, так и в области философии – в направлении перехода от классической к неклассической эпистемологии, значительно расширившей свой предмет и инструментарий в контексте осмысления оснований множества когнитивных практик, а не только научной.

Ключевые слова: когнитивный «поворот», когнитивизация науки, неклассическая эпистемология.

В философии XX века, как известно, произошли крупные изменения, которые были определены как «повороты» – онтологический, лингвистический, антропологический, герменевтический и др. Они существенно изменили образ философии тем, что по-новому расставили акценты в традиционной проблематике, стали источником возникновения новых проблем и повлияли на расстановку блоков в структуре философского знания.

В настоящей статье ставится задача анализа еще одного поворота – когнитивного, который сложился к середине XX века в результате действия трех основных факторов: в философии – это антропологизация и социализация гносеологии, повлекшие за собой переход к неклассической форме её развития (эволюционная эпистемология, социальная эпистемология); в науке – это революционные изменения в различных её областях, связанных с переходам к новому типу объектов познания, изменившим соотношение между объектом и субъектом познания в сторону повышения субъективизации познавательного процесса со всеми вытекающими отсюда последствиями – релятивизация познания, изменение подходов к научной истине и её критериев и т.п.; в области социума – в результате научно-технической революции, в особенности компьютерной революции, произошли качественные изменения в направлении перехода от вещественной формы капитала к новой его форме – знаниевой (информационной), связанной с информатизацией всех сфер общественной жизни, с беспрецедентным возрастанием роли знания, особенно научного, как основы социального развития.

Когнитивный «поворот» проявляется как в том, что гносеологическая проблематика в философии из периферийного положения, в которое она попала в первой половине XX века, перемещается на передовые позиции философских исследований, так и в том, что в конкретных науках (психология, лингвистика, нейрофизиология и др.) появляются разделы или даже дисциплины, где специально изучаются специфика и механизмы когнитивной дея-

тельности. В результате обращает на себя внимание такой новый процесс в развитии современной науки, как её когнитивизация.

Взлет интереса к проблемам познания произошел после спада волны интереса к изучению познания и в философии, и в психологии, когда в период с 20–50-х годов XX века шло давление на классическую теорию познания со стороны популярных тогда феноменологии, лингвистического анализа, аналитической философии и со стороны новомодных идей бихевиористов и психоаналитиков. Однако с конца 1950-х годов происходит радикальный сдвиг во внимании на работу когнитивной системы человека. Так, в психологии этот период часто называют когнитивной революцией, которая связывается с успехами параллельно прогрессирувавших в то время кибернетики и лингвистики [1. С. 150].

Развитие кибернетики, теории связи и теории информации обусловило проведение специальных экспериментов по распределению и устойчивости внимания, распознаванию образов. Появились модели познавательных процессов, которые быстро преодолели междисциплинарный барьер и были освоены когнитивной психологией.

Лингвистические исследования Сепира, Уорфа, Хомского и других привели к пониманию связи между языком, носителем которого является человек, и спецификой его восприятия и объяснения мира, а также к выявлению общей структуры языковых грамматик. В результате языковые процессы и выработанные лингвистикой модели (например, семантические поля) прочно вошли в область интересов когнитивной психологии.

Интенсивное развитие компьютерных наук, особенно области искусственного интеллекта, не только требовало эффективных моделей человеческих познавательных механизмов, которые можно было бы преобразовать в соответствующие машинные программы, но и существенно расширяли возможности исследователей-когнитивистов с технической точки зрения, то есть в части организации экспериментов и обработки данных.

В это же время в самой психологии активно изучается человеческая память, в результате получен обширный эмпирический материал по вербальному научению и семантической организации, созданы проверяемые и работающие в области искусственного интеллекта модели памяти, которые во многом послужили образцом при моделировании других познавательных процессов.

Таким образом, первой наукой, которую накрыла волна когнитивной революции, стала область психологии – когнитивная психология, которая на новом этапе своего развития с необходимостью не только интегрировала множество полезных моделей и результатов из других областей науки, но и сама в силу коэволюционного развития научных дисциплин влилась в процесс формирования междисциплинарного комплекса когнитивных наук.

Некоторые исследователи определяют этот процесс как «единый междисциплинарный подход» [1. С. 152]. В рамках данного комплекса появилась возможность широкого обмена идеями, моделями и другими научными результатами исследователей, работающих разными методами над когнитивной проблематикой.

Среди факторов когнитивного «поворота», пожалуй, самым значительным является открытие функциональной асимметрии полушарий человеческого мозга и двух когнитивных типов мышления, сделанное в 60–70-е годы XX века американским нейрофизиологом Р. Сперри и его коллегами. Именно это событие, по замечанию В.А. Лекторского, породило в 70-е гг. междисциплинарное движение, получившее название «когнитивная наука». Это открытие переводит исследование когнитивной системы человека в ранг действительной науки, так как оно получило убедительное экспериментальное подтверждение (с помощью электроэнцефалограммы), а также благодаря применению позитронно-эмиссионных, а позднее и магнитно-резонансных томографов. Следует согласиться с И.П. Меркуловым, характеризующим данный этап в развитии нейрофизиологии как «радикальный сдвиг в изучении работы когнитивных систем человека», который наряду с исследованиями в области искусственного интеллекта, а также благодаря созданию высокотехнологичной экспериментальной техники, позволяющей исследовать работу человеческого мозга в реальном времени, заложили эмпирически верифицируемую основу для разработки принципиально новых эпистемологических представлений о процессах производства знания и его функциях [2. С. 128].

Если вплоть до второй половины XX века никаких эмпирических данных о работе нашей когнитивной системы, которые были бы получены с помощью объективных экспериментальных методов, просто не существовало (инструментарий познания высших когнитивных функций человека ограничивался главным образом интроспекцией, наблюдениями за поведением пациентов, использованием метода гипноза и анализом языка в психоанализе), то теперь были созданы технические средства для проведения экспериментальных исследований с высокой разрешающей способностью. Возникла основа принципиально новых, основанных на эмпирических данных, теоретических представлений о человеческом мышлении и его доминирующих стратегиях.

Вторая волна когнитивной революции (90-е годы XX века) связана с прорывом информационного подхода в область человеческих эмоций, интуиции, креативности, т.е. процессов, далеких от «строгой» рациональности. «При этом, – отмечает О.Е. Баксанский, – когнитивный подход как и прежде исходит из фундаментального утверждения о том, что человек – есть в первую очередь существо мыслящее и, соответственно, на все стороны его жизнедеятельности полезно посмотреть, учитывая субъективные представления и убеждения, предпочтения и оценки, накопленный опыт и сформировавшиеся установки конкретного человека» [1. С. 152].

Следствием процесса когнитивизации науки стало образование нового направления – когнитивной науки (когнитивных наук), которые сегодня представляют собой целое семейство дисциплин, объединенных единой проблематикой и сходными методологическими принципами. Традиционно к ним относят философию (прежде всего, эпистемологию и методологию науки), психологию (в первую очередь когнитивную психологию), лингвистику, антропологию, нейрофизиологию, область искусственного интеллекта, теорию информации, теоретическую информатику, нейробиологию, генетику и др. Вместе с тем идет процесс экспансии когнитивной проблематики в проблемное поле наук, которые традиционно ею не занимались. Так, появилась

когнитивная экономика, когнитивные исследования политического дискурса в политологии, в социологии – когнитивная социология науки, социобиология, когнитивные исследования социобиологических оснований экономики и юриспруденции в контексте нейронауки и т.п. Возникают особые семейства, кластеры когнитивно ориентированных научных областей, на базе которых формируются перспективные гибридные научные направления. Например, на пересечении областей интеллектуальных систем и когнитивных технологий в экономике лежат гибридные интеллектуальные системы с настройкой на сознание и логику эксперта. Они состоят из когнитивной и аналитической частей, причем нижний уровень – когнитивный – предоставляет информацию для аналитической обработки. На пересечении областей управления знаниями и когнитивных технологий в экономике находятся такие направления, как прямое использование когнитивных методов в бизнес-процессах, например когнитивный маркетинг. Подобное гибридное научное направление образуется на пересечении когнитивной нейронауки, юриспруденции и экономики (нейромаркетинг) для изучения процесса принятия решений и возможностей реалистического моделирования экономического поведения человека.

Когнитивный поворот в области философии также имеет свои основания, которые, на наш взгляд, обуславливают его в двух основных плоскостях: внутренней и внешней. Первое обеспечивается внутренней логикой развития философии в XX веке, которая в основном шла по пути антропологизации ее содержания. Второе связано с современными вызовами философии, которые бросает ей новая ситуация в науке, в том числе и не в последнюю очередь связанная с ее когнитивизацией, а также и новая ситуация в обществе, которому еще предстоит глубже прояснить то новое его состояние, которое часто определяют как «общество знания».

Помня об ограниченности рамок статьи, остановимся на характеристике изменений в гносеологии, антропологизация оснований которой привела к радикальным переменам в ее содержании, в результате чего гносеологическая проблематика в последние десятилетия оказалась в центре дискуссий не только в самой философии, но и во многих науках о человеке и обществе. В итоге исследований гносеологических проблем в контексте спора, с одной стороны, между представителями «натурализированных», позитивистских по своей сути, или постмодернистских (релятивистских) программ; с другой стороны, между представителями философии жизни, феноменологии, экзистенциализма, философской герменевтики, философской антропологии осуществился переход от классической гносеологии к неклассической форме ее развития. В результате сравнительных философских исследований установлено, что классическая гносеология сформировалась в процессе развития философии как некоторый абстрактно-понятийный конструкт, предписывающий видеть и интерпретировать деятельность людей в субъектно-объектном ракурсе, опираясь на метафоры зеркала, окуляра и картины, исходя из идей отражения и репрезентации. В своих изначальных предпосылках и принципах она строилась в полной мере по образу и подобию естественнонаучной теории, при этом совершенно не учитывалась особенность такого «предмета», как человеческое познание [3. С. 70–74].

Поэтому, когда философы жизни (В. Дильтей, О. Шпенглер), неокантианцы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер) в конце XIX – начале XX века актуализировали и подвергли анализу вопрос о научном статусе гуманитарного познания, отчетливо выявилась неприемлемость классической теории познания для обоснования наук о культуре. От них идет в философии традиция поиска оснований, обуславливающих все более растущее вхождение общественно-исторической жизни в поле гуманитарного познания во все более конкретных, частных, мимолетных, эмоционально окрашенных и трудноуловимых проявлениях; традиция, которая не просто ставит перед наукой новые задачи, но и требует нового обоснования ее статуса научности. Последнее потребовало обобщения не только всего опыта наук о духе, но и вызвало необходимость развернутой реконструкции человеческой познавательной деятельности в целом в контексте преодоления дихотомии трансцендентального (теоретического) и эмпирического субъекта познания, характерного для классической гносеологии, в которой со времен Декарта предпочтение отдавалось первому, в то время как эмпирическому субъекту, человеку познающему, оказывалось недоверие при полагании его эгоистическим «Я», творящим произвол, имеющим ум, отягощенный различного рода «идолами», предрассудками, интересами, предпочтениями. Нужно было восстановить в правах эмпирического субъекта – целостного человека познающего.

Решение этой задачи потребовало творческих усилий феноменологии, герменевтики, экзистенциализма, философии жизни, «философии поступка» М. Бахтина и др. В результате в основном осуществился переход от «редуцированной» реконструкции человеческой субъективности к конкретному в отношении жизненного мира принципиально не ограниченному и охватывающему человека во всех его сопряжениях взгляду на субъективность при обязательном сохранении трансцендентально-философского измерения в обосновании. Феноменологическая мысль осуществила движение «от чистого Я к «здесь-бытию», от Гуссерля, пришедшего к «жизненному миру», к Хайдеггеру, который отказался от разделения субъекта на эмпирический и трансцендентальный, совершив поворот к *Dasein*; Дильтей в движении от «жизни к действию» открывает конкретного человека в его языковой исторической и социальной определенности, чем преодолевается как картезианский дуализм, так и дихотомия трансцендентальной и конкретной субъективности; М. Бахтин показывает, что преодоление теоретизма как некоторой созданной разумом достаточно агрессивной «фикции» возможно лишь на пути обращения к реальной жизни и познавательной деятельности целостного человека, его «участного ответственного мышления и действия-поступка» [4. С. 77].

Обращение к феномену жизни в ее экзистенциально-герменевтическом смысле – путь, приводящий не только к обогащению методологии гуманитарных наук (с этого начиналась рефлексия), но в значительной мере и понятийного аппарата и содержательных идей эпистемологии в целом, а главное – расширению поля рациональности, расширению предмета и проблематики эпистемологии, осознанию и разворачиванию её антропологического типа. В данном отношении новая реконструкция познания не ограничивается гносеологическим субъектом или «сознанием вообще», она осуществляется, исходя из разных оснований, представлений и целей – из чистого сознания или

мышления, чистого Я или «здесь-бытия», или языка, или жизнеосуществления и действия. Это означает, что категория «субъект» может быть раскрыта в «трансцендентальном», «коллективистском», «индивидуально-эмпирическом» и «абсолютистском» описаниях и ни одно не является самодостаточным [5. С. 75].

Новая (неклассическая) эпистемология, являясь воплощением когнитивного поворота в философии, сама становится «ферментом» философской рефлексии и методологическим ресурсом в осмыслении нового материала, полученного в сфере когнитивноориентированных исследований. В то же время она не только по-новому осмысливает традиционные гносеологические проблемы, но и порождает новые проблемы, в частности множество когнитивных проблем, связанных с принципом доверия, содержательными «процедурами» понимания и интерпретации, выдвижением гипотез вместо строго логического следования, вероятностных неформальных процедур, оценок и предпочтений, требующих осмысления их когнитивной природы и функций, специального анализа этих форм, традиционно считавшихся иррациональными [6. С. 70–74]. Неклассическая эпистемология не исключает полностью классические познавательные практики – сенсуалистическую, отражательную (реалистскую), критический рационализм, аналитическую философию, но ядро её, особые смыслы антропологического содержания составляют герменевтические и феноменологические когнитивные практики. Они включают такие феномены и «сферы», как очевидность, интенциональность, смыслы, истолкование и интерпретацию, темпоральность, формы жизни, жизненный мир, повседневность и др. Тем самым преодолевается абстракция гносеологического субъекта и традиционное раздвоение на «объект-субъект»-отношение. И открывается возможность обращения к тому, что М. Шелер называл «философствованием из полноты переживания жизни» [7. С. 21].

В данном контексте нуждаются в новом осмыслении традиционные эпистемологические и когнитивные проблемы: соотношение понимания и объяснения; познания и экзистенции; мышления и осмысления; научной истины и др. Требуется новое рассмотрение понятия субъекта (и его внутреннего проявления в качестве «Я») как носителя сознания, знания и познания. Нельзя согласиться с мнением постмодернистов о его исчезновении. Но следует признать, что в настоящее время проблема субъекта (и связанные с ним проблемы сознания и бессознательного) нуждается в новом понимании. Необходимо, в частности, переосмысление понятия индивидуального и коллективного субъекта. В этой связи В.А. Лекторский отмечает, что «сегодня становится ясным (получено много фактов в пользу такого понимания), что индивидуальное «Я» имеет различные, неосознаваемые уровни, которые можно интерпретировать даже как разные «Я» или «суб-Я», находящиеся в отношениях коммуникации друг с другом. Поэтому сам индивидуальный субъект может быть понят как некая коллективная сущность. Отличие индивидуального субъекта от коллективного связано прежде всего с тем, что первый воплощен в индивидуальном теле. Но сегодня обсуждается и возможность существования индивидуального субъекта в разных телах» [8. С. 60–61]. Здесь речь идет о том, что границы между индивидуальным и коллективным субъектами во многом размываются, сложной становится идентичность индиви-

дуального и коллективного субъектов, обсуждение данного вопроса во многом может прояснить и помочь по-новому понять сознание и бессознательное, индивидуальное и коллективное познание.

Итак, когнитивный «поворот» в науке и в философии, порожденный определенными выше причинами и условиями их развития, и переместивший познавательные акценты в сторону знания и познания, сам становится мощным фактором обновления и интенсификации научного и философского познания в плане их междисциплинарности, интеграции и взаимосвязи. Современная эпистемология обращает внимание на разные способы когнитивного освоения мира, а не только научного. Обновляется и обогащается методологический арсенал, эпистемологический анализ и аргументация начинают включать определенным образом переосмысленные результаты, методы и понятия специальных наук о познании и сознании, естественных, социальных и гуманитарных дисциплин. В результате философия не только выполняет свою рефлексивно-методологическую функцию, но и существенно обновляет свой дискурс за счет переноса некоторых эвристических методологических принципов и понятий (принцип дополнительности – из физики; понятия деятельность, гештальт – из психологии; архетип, традиция, «контекст» – из этнографии; символ, дискурс, нарратив, фрейм и др. – из литературоведения и лингвистики; сеть, информация, когнитивная карта – из информатики и др.)

Когнитивный поворот направлен на понимание как отдельного человека (его субъективность, переживания, действия), так и коллективной деятельности, межчеловеческих отношений, отношений социальных групп, институтов, экономической деятельности с точки зрения процессов выработки, распределения и использования знания. Главная установка когнитивного поворота состоит в том, что познавательные процессы нужно понимать не как существующие наряду с другими видами индивидуальной и коллективной деятельности (побуждениями, стремлениями, борьбой за власть, отстаиванием своих интересов и т.п.), а как то, что пронизывает их и становится центральным для понимания всего остального.

Задача конкретных наук, включая и когнитивные науки, состоит в том, чтобы развивать знание о работе когнитивной системы человека, о способах и механизмах производства, хранения и социального распределения знания, включая вопросы социальной адаптации знания и контроля за процессом их использования.

За философией остается рационально-критическая или собственно философская позиция трансцендентальной рефлексии, которая не только побуждает рассматривать каждый отдельный феномен в историко-культурном контексте, но и не позволяет абсолютизировать отдельные научные достижения, требует постоянной проблематизации, достигнутого уровня специально-научных знаний и мировоззренческих стереотипов.

Литература

1. *Баксанский О.Е.* Познание познания: когнитивная наука // Четвертая межд. конф. по когнитивной науке. Томск, 2010. Т. 1. С. 150–153.
2. *Меркулов И.П.* Когнитивные основания математических знаний // Эпистемология. Философия науки. М.: Канон, 2007. Т. 14, № 4. С. 127–142.

3. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 70–79.
4. *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Философия и социология науки и техники.* Ежегодник. М., 1986. С. 80–161.
5. *Порус В.Н.* Гносеологии в ретроспективе и перспективе // *Эпистемология. Философия науки.* М.: Канон, 2004. Т. 2, №2. С. 70–75.
6. *Микешина Л.А.* Философия познания: диалог и синтез подходов // *Вопросы философии.* 2001. № 4. С. 68–76.
7. *Шелер М.* Формы знания и образования // *Избр. произведения.* М., 1994.
8. *Лекторский В.А.* Эпистемология в контексте теоретического мировоззрения: 20 лет спустя // *Эпистемология. Философия науки.* М.: Канон, 2004. Т. 2, №2. С. 56–63.